



Павел
Амнуэль

**РАССЛЕДОВАНИЯ
БЕРКОВИЧА**

Расследования Бориса Берковича

Павел Амнуэль

**Расследования
Берковича 1 (сборник)**

«Остеон-Групп»

1997, 1998

Амнуэль П. Р.

Расследования Берковича 1 (сборник) / П. Р. Амнуэль —
«Остеон-Групп» , 1997, 1998 — (Расследования Бориса
Берковича)

ISBN 978-5-85689-193-4

Сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П.Амнуэль немало сделал и на ниве детектива.

ISBN 978-5-85689-193-4

© Амнуэль П. Р., 1997, 1998
© «Остеон-Групп» , 1997, 1998

Содержание

Полет в Санкт-Петербург	6
Убийство на вилле	10
Женщина с виолончелью	14
Убийство перед концертом	18
Человек со сломанной рукой	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел (Песах) Амнуэль

Расследования Берковича

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка, 2014.

Полет в Санкт-Петербург

– Откуда он репатриировался? Из Норвегии? – спросил инспектор Хутиэли, ни к кому конкретно не обращаясь, когда стажер Беркович вышел из кабинета.

– Из Баку, – посмотрев на экран компьютера, подсказала Ронит, работавшая в полиции не первый год, но тоже смущенная поведением стажера. Собственно, назвать это поведением не было никаких оснований. Беркович не вел себя никак. Он ждал в приемной, глядя в потолок и считая трещины. Когда его позвали, он вошел в кабинет и выслушал наставления начальства молча, не реагируя ни звуком, ни движением. Это раздражало. Это, в конце концов, было просто неприлично!

– Из Баку, – повторил инспектор, – это не на крайнем севере?

– По-моему, – наморщила лоб Ронит, – это где-то около Ирана. Я недавно читала в «Маариве», ну, вы помните, когда Биби летал в Японию, так он на обратном пути...

– Вспомнил! – обрадовался Хутиэли. – Так чего же он ведет себя будто полярный медведь?

Ронит пожала плечами и приготовилась слушать новые распоряжения.

– Курс он закончил с отличием, – продолжал инспектор, – а то я бы его просто не взял... Ну хорошо, – сказал он, помолчав, – пусть он справится с поручением, а там посмотрим.

– А что вы ему поручили? – любопытство у Ронит взяло верх над субординацией, что, впрочем, случалось достаточно часто и не вызывало у инспектора недовольства.

– Я послал его с Бирманом, – объяснил Хутиэли, – проводить обыск в квартире Бен-Эзры.

Бен-Эзра по кличке «Пистолет» был владельцем массажного кабинета на Бен-Иегуде. Относительно молодой мужчина лет сорока, приятной наружности, он немного походил на актера Омара Шарифа. Бен-Эзра и на самом деле был неплохим актером, во всяком случае, в каждый свой привод в полицию он изображал столь безутешное раскаяние, что вводил в заблуждение даже непробиваемого комиссара Сингера. Правда, никакая игра не позволила бы Бен-Эзре избежать тюрьмы, будь у полиции достаточное количество надежных улик, чтобы отправить этого человека за решетку.

Такие улики нашлись прошлой ночью. В полицию обратилась одна из девушек, сумевшая не только сбежать из-под плотной опеки охранников, но еще и захватить с собой ксерокопию договора, подписанного ею еще у себя дома, в России. Девушку звали Ириной, она была светлая и высокая – типичная русская проститутка, какими их изображали в прессе. На самом деле – обманутая девушка, ехавшая в Израиль, чтобы работать манекенщицей в приличном агентстве, и попавшая сразу после приезда в постель одного из помощников Пистолета.

Инспектор отправился на квартиру к Бен-Эзре, но обнаружил, что хозяин сбежал. Впрочем, беглый осмотр не показал никаких следов спешки. Похоже было, что «Пистолет» попросту отправился в очередной вояж – присматривать девочек, и лишь по несчастливой для инспектора случайности отъезд Бен-Эзры совпал с побегом девушки Ирины.

Звонок в полицию аэропорта не прояснил ситуацию. Никто, имевший при себе заграничный паспорт на имя Бен-Эзры, через таможню и паспортный контроль не проходил. Впрочем, на легкий успех Хутиэли и не рассчитывал – наверняка Пистолет пользовался подложными документами, понимая, что под собственной фамилией рискует оказаться не за границей, а в камере предварительного заключения.

Хутиэли отправил в Бен-Гурион курьера с фотографией Пистолета, не надеясь, впрочем, на успех. Наверняка Пистолет уже смотался за границу – в любой из двенадцати городов Старого или Нового Света, куда отправлялись вчерашние ночные рейсы.

Оставалось сделать хотя бы необходимое – провести более тщательный обыск в квартире Пистолета и в принадлежавшем ему заведении. В заведение Хутиэли отправил группу Ривкина, а на квартиру – Бирмана, придав ему в помощники новоиспеченного стажера Берковича.

* * *

Стажер вернулся через три часа. Ронит ушла на обед, и Беркович минут пять молча стоял перез закрытой дверь в кабинет, соображая, видимо, что лучше – войти, нарушив субординацию, или подождать возвращения секретарши. В конце концов решил, что целесообразнее для дела – войти, поскольку никто не мог сказать, сколько времени будет отсутствовать Ронит.

Стажер вошел, коротко доложил о прибытии и положил перед Хутиэли отпечатанный уже бланк протокола обыска.

Инспектор пробежал взглядом три страницы, стоявший навтыжку стажер начал раздражать его уже одним своим видом, и Хутиэли попросил Берковича сесть и расслабиться.

Стажер сел и расслабился – выражалось это в том, что он перестал быть похожим на палку и стал напоминать вопросительный знак.

На лице инспектора отражались все эмоции, которые он испытывал, читая протокол.

– Черт! – бросил Хутиэли, дойдя до описания бумаг в секретере Пистолета. – Этот идиот не оставил нам даже счетов за электричество!

– Дубина! – воскликнул инспектор, обнаружив, что Бен-Эзра, уезжая, оставил ключ соседям и просил поливать его любимые цветочки. – О цветочках он заботится, негодяй! Впрочем, – добавил Хутиэли, бросая выразительный взгляд на молчавшего, как рыба, стажера, – это означает, что он действительно отправился в свое плановое турне, а вовсе не скрылся, напуганный бегством этой девицы.

Инспектор перевернул страницу, прочитал несколько строк и, бросив бумаги на стол, повернулся к Берковичу.

– Послушайте, стажер, – раздраженно сказал он. – Вы же знали, что самая важная информация находится на третьей странице. Почему не сказали сразу?

– Вы не спрашивали, – ответил Беркович, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– Что не спрашивал? – вскричал инспектор, но продолжать разнос не стал. Действительно, откуда стажеру было знать заведенный порядок: Хутиэли всегда требовал от подчиненных, чтобы, принося документы, они сразу говорили, на что именно следует обратить внимание в первую очередь.

– «В мусорной корзине, – прочитал инспектор вслух, – обнаружены... м-м... три пластиковых пакета... остатки салата... а, вот... листок из ежедневника со следами записи, сделанной на предыдущей странице. Достаточно четко можно прочитать: Нью-Йорк – 23 сентября, Париж – 24 сентября, Санкт-Петербург – 26 сентября.»

– Сегодня двадцать третье, – продолжал инспектор. – Значит, Бен-Эзра вылетел в Нью-Йорк нынче ночью, поскольку остальные сегодняшние рейсы в Штаты летят вечером. О чем это говорит, стажер?

– О вашей замечательной памяти, инспектор, – ответил Беркович, не моргнув глазом.

– М-м... И об этом тоже. Но главное – о том, что теперь мы его все-таки возьмем. В Париж он летит завтра, и я направлю американским коллегам по факсу фотографию Пистолета и запрос о задержании. Нет... Лучше я отправлю в Нью-Йорк сержанта Бродецки, он прекрасно знает Пистолета в лицо, пусть ходит у стойки регистрации всех парижских рейсов! Согласны?

Беркович поднял на инспектора ничего не выражавший взгляд и задал вопрос, который заставил Хутиэли усомниться в умственных способностях стажера.

– А если бы, – спросил Беркович, – в записке Бен-Эзры упоминались Марс или Венера, вы бы отправили сержанта Бродецки на космодром имени Кеннеди?

– Вы шутите, стажер? – холодно спросил Хутиэли после минутной паузы, в течение которой он пытался обнаружить на лице Берковича хоть какие-то следы раскаяния. – Ни на Марс, ни на Венеру еще нет регулярных рейсов, если вы хотите, чтобы я ответил на ваш вопрос. В дальнейшем все-таки сначала думайте, а потом говорите.

– Так я ведь... – начал было стажер и замолчал.

– Можете идти, – бросил инспектор. – На сегодня для вас заданий нет.

Через минуту он поднял взгляд и обнаружил, что Беркович по-прежнему стоит навывтяжку перед столом, будто столб, врытый в землю.

– Я же сказал вам...

– Разрешите обратиться с просьбой, – безразличным голосом произнес стажер.

– С просьбой? – удивился инспектор. – Ну, чего же вы хотите?

– Не могли бы вы отправить меня вместе с сержантом Бродецки в Нью-Йорк для помощи в задержании Бен-Эзры?

Хутиэли открыл было рот, чтобы отправить стажера туда, где он, по мнению инспектора, должен был находиться, но подумал, что, пожалуй, идея не выглядит такой уж нелепой. Лучше, чтобы Бродецки был не один. Стажер никогда не видел Пистолета, но не узнать его по фотографии попросту невозможно. А заодно он не будет здесь маячить и портить настроение своим постным видом.

– Я отдам распоряжение, – сказал Хутиэли. – Ваши бумаги будут готовы через два часа...

* * *

– Этот парень, – докладывал неделю спустя сержант Бродецки после возвращения из Штатов, – исчез, как только мы вошли в здание аэропорта. Я решил, что расправлюсь с ним позднее, и пошел к стойкам регистрации французских компаний – до ближайшего рейса на Париж оставалось два часа... Пистолет не явился. Я пропустил еще два рейса, потом пришлось побегать, потому что одновременно регистрировались рейсы Пан-Ам и Эйр Франс...

– Больше надо было спортом заниматься, – мрачно бросил инспектор, – тогда бы и бегал быстрее.

– Когда Пистолет так и не явился, а между парижскими рейсами образовалось «окно», я попробовал отыскать этого... Берковича. И вы можете себе представить: захожу в полицейское отделение аэропорта, этот красавец сидит там, развалившись на стуле, а посреди комнаты под охраной двух полицейских – наш друг Пистолет собственной персоной!

– Представляю твою отвисшую челюсть, – сказал Хутиэли. – Черт меня побери, если я понимаю, какого черта этому стажеру пришлось в голову проверять внутренние рейсы! Нет, я, конечно, знаю, что город с названием Париж есть и в Соединенных Штатах, и Санкт-Петербург тоже... Но мне бы никогда...

Он замолчал, потому что дверь раскрылась ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель протиснулся стажер Беркович собственной персоной.

– Ронит нет на месте, – произнес Беркович извиняющимся тоном.

Хутиэли встал и, обойдя стол, подошел к стажеру и пожал ему руку. Пожатие Берковича оказалось на удивление твердым – именно таким, какого следовало ожидать от человека, хорошо знающего свое место в жизни.

– Полагаю, – сказал Хутиэли, – что вы еще тогда, сидя передо мной, уже догадались, что Пистолет вовсе не собирался в Европу. Именно поэтому вы и направились в помощники сержанту. Я прав?

– Да, – коротко ответил Беркович.

– Почему это вам пришлось в голову, а? Я только что говорил сержанту, что сам бы не подумал...

– Видите ли, – Беркович едва заметно пожал плечами, – я обратил внимание на одну лишнюю букву в записке Пистолета.

– Лишнюю букву? – недоуменно переспросил инспектор. Он быстро подошел к столу, взял в руки протокол и внимательно перечитал давно ему известный текст.

– Ну? – спросил Хутиэли, не обнаружив никаких лишних букв, которые могли бы навести его на какие-либо мысли.

– Санкт-Петербург, – сказал Беркович, – тот, который в России, пишется без буквы «с». Американский пишется и произносится чуть иначе – Санкт-Питерсбург. На иврите нет разницы между «и» и «е», но буква «с» была явно лишней...

Хутиэли бросил листок на стол и сказал, помолчав:

– Ваша бесстрастность, стажер, сбивает нормального человека с толка. Постарайтесь быть более эмоциональным, хорошо?

Беркович кивнул.

– Спасибо, – сказал Хутиэли, – можете идти.

Стажер повернулся на каблуках и направился к двери.

– Эй, – бросил инспектор ему вдогонку, – а что вы там мне плели насчет Марса? Вам не кажется, что вы должны извиниться?

Беркович обернулся.

– Но ведь Марс и Венера, – сказал он спокойно, – это населенные пункты в Соединенных Штатах. Я просто хотел подсказать вам...

– Свободны! – бросил инспектор.

Убийство на вилле

– Стажер Беркович, – сказал инспектор Хутиэли, – вы читали утренние газеты?

– Конечно, – бодро отрапортовал стажер, закрывая толстую книгу, написанную по-русски. На обложке была нарисована красавица, направившая огромный пистолет прямо в лицо читателя. – Ничего интересного. Во всяком случае, в криминальной хронике.

– А о чем эта книга? – поинтересовался инспектор. – Российский триллер, русская мафия?

– Ну что вы, – Беркович даже покраснел от такого предположения. – Это классика. Голсуорси. «Сага о Форсайтах».

– Да? – недоверчиво протянул Хутиэли. Конечно, стажер солгал, он просто не хотел признаться в том, что во время дежурства читал третьесортный русский триллер и, конечно же, о мафии. Хотя... Может, у этого... как его... Голсуорси тоже есть какая-нибудь девица с пистолетом?

Телефонный звонок прервал размышления инспектора.

– Убийство на вилле в Гиват Савион, – бодро сообщил голос дежурного. – Оперативная бригада сержанта Бродецки выезжает. Будут указания?

Хутиэли оглянулся на стажера, вновь углубившегося в чтение непонятной русской книги.

– Да, – сказал он. – Пусть Бродецки возьмет с собой стажера Берковича и позволит ему действовать самостоятельно. Конечно, в разумных пределах.

Минут пятнадцать спустя полицейская машина резко затормозила у виллы Гиля Авишай, средней руки бизнесмена. Вилла соответствовала уровню доходов хозяина – не шедевр архитектуры, но и не собачья будка. Тысяч на двести пятьдесят потянет, – решил стажер, вылезая из машины и разминая затекшие ноги.

Полицейские прошли по дорожке, покрытой гравием, к автомобильной стоянке перед домом, где у пикапа «сузуки» стояла группа полицейских из местной партульной службы. Водитель пикапа, черноволосый «марокканец», что-то возбужденно доказывал, размахивая руками.

– Возможно, этот малый и не лжет, – сказал, подходя к Бродецки, один из полицейских. – Он утверждает...

– Я сам допрошу его, – прервал сержант, – но сначала осмотрю тело.

Тело погибшей Иланы Авишай, красивой черноволосой женщины лет тридцати, лежало в салоне почти у самого входа. Похоже было, что, услышав снаружи какой-то шум, Илана подошла к двери, чтобы посмотреть, что происходит. Однако, едва она открыла дверь, кто-то нанес ей сильнейший удар по голове. Как показалось стажеру Берковичу, который не был, конечно, большим специалистом по части судебной медицины, женщина умерла сразу, не успев даже понять, что случилось. Орудие убийства – тяжелый топорик – лежало в нескольких шагах от тела. В углу салона сидел на краю дивана, раскачиваясь, будто во время молитвы, мужчина средних лет – скорее всего, это и был бизнесмен Гиль Авишай, муж убитой.

– Я был в саду, – говорил Авишай минут десять спустя, когда Бродецки, осмотрев тело и дав разрешение экспертам проводить нужные замеры, попросил хозяина пройти в кухню и ответить на самые важные вопросы. – Я решил сегодня поехать в офис позже, хотел полить деревья, а садовника у меня нет, это очень дорого, и я...

– Да-да, – прервал Авишай Бродецки, – вы были в саду, слышали шум мотора...

– Нет, – покачал головой Авишай. – Этот негодяй подъехал со стороны улицы, из сада ничего не слышно... Я вернулся в дом, закончив работу и увидел, как этот... а Илана лежала на полу...

Стажер Беркович тихонько вышел из кухни. Хозяин ему не понравился. Это было, конечно, чисто интуитивное ощущение, и Беркович понимал, что при его небольшом опыте полагаться на интуицию он не имеет права. Беркович прошел мимо группы экспертов, суетившихся около тела Иланы, и вышел в сад через заднюю дверь салона. Пожалуй, Гиль Авишай не лгал – между деревьями извивался длинный тонкий шланг, один его конец валялся у большого оливкового дерева, а другой скрывался за углом дома и вел, по-видимому, к крану на техническом балконе, выходившем в сторону улицы.

Беркович обогнул дом, следуя за ививами шланга, и вышел к площадке, где трое полицейских все еще задавали вопросы шоферу пикапа, на борту которого было написано: «Братья Вануну. Заказ цветов.» Беркович приблизился и прислушался к разговору.

– Да я не против Биби, – вяло говорил водитель пикапа, – я сам ликудовец, я просто хочу, чтобы мы, простые люди, выбирали министров, что тут плохого?

– А то, что ты, простой человек, не понимаешь и понимать не можешь, кто будет хорошим министром, а кто нет! – воскликнул полицейский и, увидев подходившего к ним Берковича, добавил: – И вообще помолчи.

– Нет, ничего, – сказал Беркович, смутившись, ему вовсе не хотелось мешать разговору. – У меня только один-два вопроса к... э-э...

– Михаэль Фадида, – с готовностью представился водитель, – работаю в фирме братьев Вануну. Послушайте, в чем меня обвиняют? Я приехал...

– Минуту, – поднял руку Беркович. – Давайте по порядку. Официальный дорос будет потом, когда освободится сержант Бродецки, а я только хочу...

– Да сколько можно повторять одно и то же! – вскричал Фадида, поняв, что перед ним вовсе не главное полицейское начальство. – Меня уже час тут держат, будто это я убил бедную женщину!

– Вас застали на месте преступления, верно? – спросил Беркович.

– На месте преступления! – воскликнул Фадида. – Я приехал в восемь тридцать, как было сказано в заказе. Привез цветы для госпожи Иланы Авишай. Остановил машину, заполнил бланк, потом вышел, чтобы взять из багажника цветы. Хотел вернуться в машину, но передумал и пошел к двери. Дверь была полуоткрыта, я вошел и...

Фадида замолчал, о чем-то задумавшись.

– Вошли и... – сказал Беркович.

– Она вот так и лежала, – хмуро пробормотал Фадида. – Я решил, что у женщины обморок, наклонился, она лежала так, что я не сразу заметил на голове эту рану... Я взял ее руку, она была теплая, и я начал ее трясти, а потом увидел кровь...

– Теплая, – повторил Беркович. – Вы раньше были знакомы с Иланой?

– Я всегда привожу ей цветы, – сообщил Фадида. – По крайней мере дважды в неделю. Это наши постоянные клиенты.

– Значит, вы ее знали, – заметил Беркович, – и могли ее, скажем, ненавидеть по каким-то причинам...

– Эй, – вскинулся Фадида, – вы о чем? Вы думаете, я убил ее? Не выйдет!

– Успокойтесь, – с досадой сказал Беркович. Своими криками Фадида мешал ему думать. Конечно, этот человек вполне мог убить Илану – ведь Гиль Авишай обнаружил Фаиду сткловившимся над телом жены. Фадида мог не знать, что Авишай не поехал в офис. Фадида думал, что мужа нет, вошел, нанес удар и собирался удрать, а в это время появился хозяин...

Да, так могло быть. Правда, непонятен мотив преступления, но это выяснится в ходе следствия. Беркович повернулся спиной к все еще вопившему Фаиде и направился в дом. Он наступил ногой на шланг, который действительно тянулся с технического балкона. У Берковича возникло странное ощущение, будто он уже знает разгадку этого преступления. Что-то он видел недавно... Что?

В кухне сержант Бродецки говорил убитому горем Авишаю:

– Вы подумайте, должен быть у него мотив, как иначе... Он ведь приезжал сюда много раз в ваше отсутствие...

Авишай покачал головой.

– Я понимаю, что вы хотите сказать... Нет, это невозможно. Она не могла так поступить со мной... Нет, нет...

Бродецки участливо смотрел на Авишай. Конечно, все обманутые мужья воображают, что их жены – ангелы во плоти. А на деле, как показывает практика, женщина всегда готова изменить, тем более, что этот Фадида – мужчина видный, куда более представительный, нежели этот задохлик...

– Сержант, – сказал Беркович, – вы позволите мне поприсутствовать?

– Садитесь, стажер, – разрешил Бродецки. – Собственно, мы уже закончили. Сейчас я сниму показания с Фаиды, и можно будет его забрать до выяснения обстоятельств.

– Вы думаете, это он? Конечно, если на ручке топорика окажутся отпечатки его пальцев...

– Не окажутся, – покачал головой сержант, – эксперт уже сообщил, что ручка протерта, никаких отпечатков нет вообще.

– Плохо, – сказал Беркович. – Вы позволите задать один-два вопроса господину Авишаю?

– Кто это? – спросил Авишай, бросив на стажера недружелюбный взгляд.

– Стажер Беркович, – пояснил Бродецки, закрывая блокнот, в котором он вел записи. – Спрашивайте, стажер, только быстро...

– Вы сказали, что находились в саду и не слышали ни звука мотора, и никаких криков?

– Ну, я уже говорил...

– Да-да. Преступник подъехал, позвонил, вошел, убил – на это ведь нужно время... Ну, скажем, минуты две хотя бы, согласны?

– Да... наверно.

– А почему вы вдруг вернулись в дом?

– Послушайте, – раздраженно сказал Авишай, – я уже сказал сержанту...

– Да, – подтвердил Бродецки. – Беркович, вы прочитаете показания потом, не нужно повторяться!

– Один только вопрос, господин сержант... Вы поливали деревья, верно?

– Да, я же говорил.

– Но вы не могли этого делать, господин Авишай. Подъехав к дому, Фадида поставил машину так, что правое переднее колесо перекрыло подачу воды. Он это заметил, но решил, видимо, что пробудет здесь недолго, и не стоит тратить время, чтобы переставить машину... Вы должны были сразу увидеть, что вода не течет, и отправиться посмотреть, что случилось. А вы появились через несколько минут. Вот я и думаю...

Авишай вскочил на ноги и, сжав кулаки, надвинулся на стажера.

– Что вы себе позволяете! – вскричал он. – Этот негодяй нагло врет, а вы...

– Да уж кто-то из вас врет, – согласился Беркович, – но только не Фадида. Правое переднее колесо его пикапа все еще стоит на шланге... Вода не поступает. Так где вы были на самом деле? Не в саду, нет. Может, следили за Фаидой, и когда он вошел, выждали минуту-другую... А до этого убили жену, потому что... Ну, я не знаю почему мужья убивают жен... Может, она действительно вам изменяла и именно с Фаидой? Ему незачем было ее убивать, а у вас был резон... Эй, что вы делаете?

Авишай бросился на Берковича, тот отступил, и удар пришелся по скуле сержанта Бродецки. Свалка продолжалась секунд десять. В конце концов, сержант был профессионалом.

* * *

– Вы наблюдательны, стажер Беркович, – похвалил инспектор Хутиэли, – только слишком самостоятельны. Нужно было доложить о ваших подозрениях сержанту, а не задавать вопрос в лоб.

Беркович промолчал. С начальством он предпочитал не спорить.

– Вы продолжаете утверждать, что читаете Голсуорси? – ехидно спросил Хутиэли. – Пока вы там ловили убийцу, я посмотрел в энциклопедию. Так вот, во времена Голсуорси не было пистолетов «Магнум».

– Да, – кивнул Беркович. – Я на это сразу обратил внимание. Вы лучше расскажите об этом художнику, который рисовал обложку...

Женщина с виолончелью

– Вы себя неплохо зарекомендовали, стажер, – сказал инспектор Хутиэли, закончив печатать какой-то важный документ и запуская принтер. – Сержант Бродецки от вас просто в восторге. Я-то понимаю причину ваших успехов...

– Какая же это причина, инспектор? – спросил стажер Беркович, закрывая книгу, которую он читал, пока Хутиэли занимался делами.

– Вам просто везет! – воскликнул инспектор полиции. – И вы наблюдательны.

– Так мне просто везет, – переспросил Беркович, – или я наблюдателен? Это ведь разные вещи, согласитесь.

– Да, от скромности вы не умрете, – хмыкнул инспектор. – Кстати, эта книга, что вы читаете – все еще Голсуорси?

– Нет, – покачал головой Беркович, – это братья Стругацкие, перевод на иврит.

– Удивляюсь я на вас, русских, – сообщил инспектор. – Почему вы выдумываете проблемы себе на голову? Почему читаете русских авторов на иврите, а дома заставляете детей говорить по-русски?

– Видите ли, господин Хутиэли...

– Мы с вами просто беседуем, Беркович, зовите меня Авигдором.

– Хорошо. А мое имя Борис.

– Борис, – пробормотал Хутиэли. – Конечно, все русские – Борисы.

– И фамилия у всех одна – Годуновы, – подхватил Беркович, но инспектор, не будучи знатоком ни российской истории, ни творчества великого русского поэта, не понял шутки.

– Так вы говорили... – сказал Хутиэли.

Продолжить объяснение Беркович не успел – зазвонил телефон.

Хутиэли поднял трубку, молча выслушал какое-то длинное сообщение, мрачней с каждым услышанным словом, и в заключение сказал единственное:

– Выезжаю.

Он положил трубку и смерил стажера долгим изучающим взглядом.

– Поедете со мной, – сказал он.

Уже в дороге, когда полицейская машина мчалась, срезая углы и распугивая автолюбителей, Хутиэли объяснил Берковичу, с чем им предстоит иметь дело.

– На вилле Иды Стингер... кстати, вам знакомо это имя?

– Владелица косметических кабинетов в Герцлии-питуах, – сказал Беркович.

– Именно. Так вот, на ее вилле сегодня назначен был вечер. Гости, сами понимаете... Хозяйка – вот у кого денег полные сейфы! – пригласила выступить перед гостями камерный оркестр Раананы. Двадцать человек! И еще дирижер. Так вот, в семь все музыканты и гости были в сборе. В половине восьмого хозяйка вышла из дома и обнаружила, что перед дверью стоит автомобиль, а внутри – тело молодой женщины.

Беркович присвистнул.

– Женщина – виолончелистка из оркестра Мирьям Орен. Убита двумя выстрелами, одна пуля попала в плечо, вторая в грудь и оказалась смертельной.

– Выстрелы никто не слышал? – удивился Беркович.

– На вилле гремела музыка, – сказал Хутиэли, – а до соседних домов довольно далеко и, к тому же, рядом проходит шоссе, там всегда шумно.

Полицейская машина подкатила к двухэтажному коттеджу, слева от которого, на стоянке Беркович насчитал восемь автомобилей. Девятый стоял перед самым входом в дом, и у левой дверцы, со стороны водителя, толпились полицейские и какие-то люди, очевидно, гости госпожи Стингер. В отдалении стояла машина «скорой помощи».

К Хутиэли подошел невысокий плотный мужчина в штатском, Беркович узнал Арона Берлина, одного из лучших экспертов управления.

– Я разрешил увезти тело, – сказал Берлин, – или вы хотите сначала посмотреть сами?

– Непременно, – кивнул инспектор.

– Смертельной оказалась пуля, пробившая левое легкое и задевшая сердце. – продолжал эксперт. – Стреляли, судя по пулевому каналу, через открытое окно машины почти в упор. Убийца подошел к машине, когда жертва только подъехала и заглушила двигатель. Подошел, выстрелил и удалился.

– Кто-то из гостей? – задумчиво произнес Хутиэли.

В холле первого этажа инспектора и стажера встретила сама хозяйка, одетая в замечательное вечернее платье, вырез которого был похож на огромную дольку арбуза. Лет сорок, – отметил Беркович, – но выглядит на тридцать три.

– Господи, какой ужас! – воскликнула Ида Стингер. – Негодяй сорвал мне такой вечер!

Похоже, что неудавшаяся вечеринка беспокоила ее больше, чем труп под окнами.

– Я бы хотел допросить всех гостей и музыкантов из оркестра, – сухо сказал Хутиэли. Похоже, что и ему не понравилась манера хозяйки выражать свои мысли. – Могу я занять какую-нибудь комнату?

Через несколько минут инспектор сидел за журнальным столом в кабинете хозяйки, а стажер примостился рядом на диванчике. Ида Стингер не смогла сообщить ничего интересного – занималась гостями, ничего не видела, ничего не слышала. Вторым инспектор вызвал Арнольда Бухера, дирижера оркестра. Бухер оказался щуплым старичком с огромными глазами – казалось, что думать и говорить он мог только о музыке, все остальное вызывало у него глухое раздражение, которого он не мог скрыть.

– Она не собиралась выступать сегодня, – заявил дирижер. – И все этот Бени Фармер.

– Фармер? – поднял брови Хутиэли. – Кто это?

– Концертмейстер скрипок, – раздраженно сказал Бухер. – Он и Мирьям встречаются, если вы понимаете, что я имею в виду. Собирались пожениться, но что-то между ними произошло. Короче, Мирьям не хочет играть, если за пультом концертмейстера сидит Фармер. Я просил ее приехать, и она обещала, но сказала, что играть не будет.

– В машине, – сказал Хутиэли, – нашли футляр с виолончелью. И одета Мирьям была так же, как все ваши музыканты-женщины – в белую блузку и черную юбку. Значит, Мирьям все-таки собиралась играть?

– Нет, – покачал головой дирижер. – Она очень упряма. Виолончель привезла для Сары, на тот случай, если я все-таки поставлю в программу отрывок из «Вариаций» Чайковского. Сара Бек – альтистка, она иногда заменяет Мирьям... А одежда... Она всегда так одевалась, это ее стиль.

– А что собой представляет ваш концертмейстер, Фармер?

– Замечательный скрипач, замечательный! Но ревнив, как Отелло.

– Значит, если бы Мирьям его бросила...

– Я понимаю, что вы хотите сказать, да, понимаю... Ударить ее он мог, это несомненно. В пылу спора, да... Но убить? Нет, это просто нелепо!

– Понятно, – протянул Хутиэли. – Спасибо, господин Бухер, вы можете идти.

– Я могу покинуть виллу или должен...

– Можете покинуть, – разрешил инспектор. – Как вы полагаете, Беркович?

Стажер кивнул, мысли его были заняты другим, он не мог забыть женщину за рулем «субару», ее откинутую назад голову, кровь на белой блузке, узкую черную юбку, тоже пропитанную кровью.

Через минуту в комнату вошел мужчина лет тридцати, он был почти лысым, что делало его похожим на героя одного голливудского боевика. На мужчине была белая рубашка и черные брюки.

– Садитесь, господин Фармер, – предложил Хутиэли, а стажер, услышав это имя, встре-пенулся и обратился в слух.

– Мне сказали, что вы были близко знакомы с Мирьям Орен, – продолжал Хутиэли. – Вроде бы даже хотели пожениться...

– Собирались, – тихо, каким-то обреченным голосом сказал Фармер. – А теперь вот...

– Но я слышал, что вы поссорились, – продолжал гнуть свою линию инспектор.

– Чепуха! – вскинулся Фармер. – Кто это сказал? Старик Бухер? Что он понимает в таких делах? Мы поссорились, верно, но это было на прошлой неделе, мы еще в субботу помирились. А сегодня мы с Мирьям договорились завтра пойти в раввинат. Я не понимаю...

Плечи Фармера поникли.

– Но Бухер сказал, что Мирьям не собиралась играть сегодня именно потому, что за пультом сидели вы.

– Он так сказал? – удивился Фармер. – Чепуха, я говорил с Мирьям за час до концерта, мы с ней встречались... Она, конечно, собиралась играть, чтобы все видели – у нас все хорошо. Да она же приехала в концертном костюме...

– И виолончель привезла, – подсказал Хутиэли.

– Виолончель она всегда с собой возила, – не поддался Фармер на уловку инспектора. – Даже если не играла. Но сегодня она собиралась играть. Вчера мы вместе репетировали «Вариации на темы рококо». Это было у нее дома, соседи должны были слышать.

– У вас есть пистолет? – Хутиэли решил переменить тактику.

– Нет, зачем мне? – пожал плечами Фармер и бросил на инспектора подозрительный взгляд. – Я ведь всего лишь музыкант. И живу не в поселении, а в Тель-Авиве.

– Вы все время находились на вилле, после того, как приехали?

– Вас интересует мое алиби? – вздохнул Фармер. – Я все время околачивался в холле или поблизости. Ждал Мирьям. Несколько раз выглядывал на улицу. Если вы считаете это уликой... Черт возьми! – вскричал он, не сдержавшись. – Вы хотите сказать, что я мог убить Мирьям?!

– Успокойтесь, Фармер, – резко сказал Хутиэли. – Такие же вопросы я буду задавать всем. Я ищу убийцу вашей невесты!

– Да, простите... – пробормотал Фармер. – Все это так ужасно... Этот негодяй не мог уйти далеко. Может, это какой-нибудь араб, ведь отсюда до Калькилии рукой подать...

– Араб? – удивился Хутиэли. – Не думаю... Скажите, Фармер, кто-нибудь из оркестра может подтвердить ваши слова? Ну, о том, например, что вы с Мирьям помирились и хотели завтра идти в раввинат. Кто-нибудь видел вас вместе в последние дни?

Фармер подумал и покачал головой.

– Мирьям была не из тех женщин, кто афиширует свои отношения, – сказал он. – Это я... да, я человек взрывной, и если выхожу из себя, это всем видно... Мы с Мирьям вчера гуляли у моря... Одни, вечером. Я был у нее, но никому из оркестра об этом не говорил. Зачем мне это? Послушайте, инспектор, – взмолился Фармер, – почему вы теряете время? Кто-то убил Мирьям, а вы спрашиваете, ссорились мы с ней или нет...

Хутиэли молча дописывал страницу в своем блокноте.

– Убийцу мы найдем, – сказал он, закончив. – Но сейчас главное – установить мотив.

– Вы думаете, у меня был мотив? – вскинулся Фармер. – Я же вам сказал...

– Да-да, – поднял руки инспектор. – Вы можете идти, Фармер, но пока не покидайте виллу, возможно, после того, как я поговорю с остальными, у меня будет к вам еще вопросы.

Фармер тяжело поднялся на ноги.

– Господин Хутиэли, – подал голос стажер, – а я могу задать господину Фармеру один вопрос?

– Да, – кивнул инспектор. – Задавайте.

– Господин Фармер, – сказал Беркович, – вы утверждаете, что Мирьям приехала сюда, чтобы играть «Вариации» Чайковского. По сути, это ваш единственный аргумент в пользу того, что вы действительно помирились. Никто не видел, как вы гуляли у моря, никто не видел, как вы приходили к Мирьям домой.

– Борис, – недовольно сказал Хутиэли. – Задавайте вопрос, зачем вы повторяете то, что я уже зафиксировал?

– Просто хочу убедиться, что господин Фармер уверен в своих словах.

– Конечно, уверен! – с вызовом сказал Фармер.

– Я не понимаю, – раздумчиво сказал Беркович, – как может играть на виолончели женщина, одетая в узкую юбку. По-моему, это физически невозможно. Из этого следует...

– Какую еще узкую юбку? – с недоумением сказал Фармер. – Мирьям приехала в концертном костюме.

– Да, в своей обычной блузке, – согласился Беркович, – но юбка на ней была, хотя и черная, но узкая, а вы, подойдя к машине, не обратили на это внимания... или просто не заметили, потому что торопились выстрелить. Нет, Фармер, Мирьям не собиралась выступать, и значит...

Фармер сделал движение в сторону двери, и Беркович вскочил со своего кресла, но его остановил голос инспектора:

– Спокойно, стажер. Вы думаете, он сбежит? Там же кругом наши люди... Так что вы скажете на это, дорогой Фармер?..

Через час, вернувшись в управление после того, как Фармер был помещен в камеру предварительного заключения, Хутиэли сказал стажеру:

– Черт возьми, я ведь тоже видел, что она была в узкой юбке! Но мне и в голову не пришло...

– Просто я не только наблюдателен, – скромно пояснил Беркович, – но еще и бываю на симфонических концертах.

– Бедняга, – прокомментировал Хутиэли, – и вы не засыпаете через пять минут после начала? Странные у вас, русских, вкусы...

Убийство перед концертом

– И вы еще находите время, чтобы посещать концерты? – спросил инспектор Хутиэли стажера Берковича, когда тот запер в ящике стола документы по делу Авшалом, шантажиста из Петах-Тиквы.

– Что там такого интересного?

– Дирижирует мой приятель, – объяснил стажер. – Мы с ним вместе учились в старших классах, а потом он заканчивал музыкальную академию, а я вот... в юридический.

– Бедняга, – прокомментировал инспектор. – Завтра, когда придешь на работу, споешь мне весь репертуар твоего приятеля. Я как раз буду допрашивать одного подозреваемого, и, надеюсь, твои вопли развяжут ему язык.

– Всенепременно, – пообещал Беркович и покинул кабинет. Не то, чтобы он действительно так уж стремился на этот концерт. Он предпочел бы поваляться перед телевизором, но Марк сказал: «Приходи, выступит мой ученик, мой первый ученик, правда, я еще не знаю, кто именно». Фраза показалась Берковичу странной, а переспрашивать он не хотел. С другой стороны, все, чего он не понимал, вызывало у него чувство раздражения, которое проходило лишь тогда, когда он разбирался в ситуации. К тому же, матнас, где играл сегодня студенческий оркестр, находился неподалеку – всего в пяти минутах ходьбы от дома. Беркович переоделся, нацепив рубашку, которую он терпеть не мог, потому что воротник натирал ему шею, но это была единственная рубашка, которую, по мнению Берковича, не стыдно было надеть в приличное общество. Он подумал минуту о том, стоит ли считать приличным обществом сотню фанатов классики, обычных посетителей подобных тусовок, пришел к выводу, что, безусловно, стоит, хотя бы потому, что билеты на концерты студенческого оркестра стоили безумные деньги – целых восемьдесят шекелей, будто выступал не Марк Корн со своими студентами, а по крайней мере Зубин Мета с Израильским филармоническим.

За полчаса до начала Беркович подошел ко входу, у которого толпились будущие слушатели, средний возраст которых, как оценил Борис, приближался к пресловутым ста двадцати. Он направился было к кассе, но его остановил возглас:

– Боря, да ты что, сдурел?

Марк схватил приятеля за рукав и потянул к служебному входу.

– Пройдешь со мной, – сказал молодой дирижер. – Я тебя уже давно высматриваю, я так и подумал, что ты станешь тратить на этот концерт свои кровные.

За кулисами было шумно, как на новой автобусной станции. Оркестранты прохаживались в узком коридоре, будто это была набережная перед Мигдаль а-опера. Подумать только, эти люди были во фраках! Берковичу захотелось взять кого-нибудь за фалды, чтобы ощутить реальность происходящего, но Марк тянул друга дальше, в дальний закуток, где была его комната.

– Играем скрипичный концерт Мендельсона, – возбужденно сказал Марк. – Ты представляешь: один из моих учеников поедет с этим концертом на конкурс Венявского!

– Для кого это более важно – для них или для тебя? – спросил Беркович, который во всем любил доискиваться до первопричины.

– Для меня? – поднял брови Марк. – Конечно, для меня тоже. И для одного из них.

– Для одного?

– На конкурс поедет кто-то один, – пояснил Марк, – но я до сих пор не решил, кто именно. Понимаешь, оба прекрасные исполнители. Стас темпераментней, Игаль строже... Я готовил обоих и обещал, что перед концертом назову того, кто поедет в Польшу. Он-то и будет играть сегодня. Я имею в виду – Игаль Маркиш. Пойдем-ка к нему, пусть канифолит смычок, ему выходить.

– Ну знаешь, – сказал Беркович, – ты держишь своих учеников в ежовых рукавицах. Я бы сбежал. Подумать только: двух парней, явно с амбициями, держать в неведении до самого последнего момента! Они что, действительно сидят сейчас и гадают, кому сегодня выступать?

– Конечно, – сухо сказал Марк. – И это, на мой взгляд, хороший воспитательный прием. Они должны научиться владеть собой. На конкурсе это самое важное.

Беркович хотел было сказать, что считает самым важным в работе педагога, но промолчал. В конце концов, он пришел сюда послушать музыку, а не вникать в тонкости процесса воспитания.

Когда они вышли в коридор, здесь было уже намного спокойнее – большая часть музыкантов проследовала на сцену, в зал пустили публику, вот-вот должен был прозвенеть второй звонок.

– Игаль Маркиш, – сказал Марк, – человек очень работоспособный, и нервы у него получше, чем у Стаса Брановера.

– Ты доказываешь правильность принятого решения мне или самому себе? – усмехнулся Беркович.

Марк рассмеялся.

– Себе, конечно, ты прав.

Он остановился около двери, на которой было написано «Не входите, пожалуйста!», и коротко постучал. Через несколько секунд он постучал опять, но ответа не последовало, за дверью было тихо.

– Игаль! – крикнул Марк. – Открой, это я.

Беркович протянул руку и нажал на ручку двери.

– Не заперто, – сказал он и, потянув на себя дверь, шагнул в комнату.

Он сразу же отступил назад, оглянулся на ничего не понимавшего Марка и сказал быстро:

– Стой здесь и не пробуй войти, ты меня хорошо понял?

Прежде чем Марк успел отреагировать, Беркович вошел в комнату, закрыл за собой дверь и повернул торчавший в замочной скважине ключ.

Игаль Маркиш был светловолосым, лицо его покрывали веснушки и, может, поэтому казалось, что он вовсе не мертв, а только прилег отдохнуть перед тем, как выслушать решение учителя. На самом деле юноша умер по крайней мере полчаса назад, рука, которой коснулся Беркович, начала уже холодеть.

Маркиш лежал на узком диванчике, обивка которого была насквозь пропитана кровью. Удар ножом был нанесен в спину – в этом Беркович убедился, чуть приподняв тело. Точный удар, на уровне сердца.

Черт возьми, – подумал стажер, – как же убийца рисковал! Его могли видеть в коридоре! Правда, комнаты скрипачей находились в закутке, куда оркестранты могли и не заглянуть. Но ведь полчаса после этого никто сюда не входил, а дверь была не заперта... Конечно, Маркиш наверняка просил его не беспокоить – он волновался больше всех, это понятно... Больше всех, но ведь не больше Стаса Брановера. Тот тоже сейчас...

Беркович вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и запер ее на ключ.

– Что там? – бросился к нему Марк. – Ему что, плохо? Почему ты меня не пускаешь?

– Плохо, – кивнул Беркович. – Выступать он не сможет. Когда начало концерта?

– Через восемь минут! Дай мне войти, я должен...

– Нет, – твердо сказал Беркович. – Пойди предупреди Брановера, что выступать будет он.

– Но я же решил, что...

– Потом поговорим, после концерта, – Беркович взял друга под руку и потянул прочь от двери. – Сейчас ни о чем другом не думай, иначе сорвешь выступление, люди пришли сюда не для того, чтобы им вернули билеты.

На двери Брановера никаких надписей не было, но закрыта она была на ключ изнутри. Беркович постучал.

– Кто? – спросил низкий голос.

– Откройте, это Корн! – крикнул Беркович, Марк стоял рядом, хмурился и не мог найти нужных слов.

Дверь распахнулась, на пороге стоял коренастый молодой человек, вовсе не производивший впечатления юного музыкального дарования. Брановер нахмурился, увидев Берковича, потом перевел взгляд на дирижера, и тот сказал:

– Ну... Сейчас начинаем, Стас. Ты готов?

Лицо Брановера расплылось в улыбке.

– О! – сказал он. – Вы решили, что я... Я так вам благодарен!

– Минуту, – сказал Беркович. – До начала всего пять минут, я вам задам только пару вопросов.

Он оттеснил скрипача в комнату и вошел следом. Марк плелся сзади, на лице его было выражение мучительного непонимания.

– А вы кто? – спросил Брановер.

Беркович быстро обошел комнату, осматриваясь и делая какие-то свои выводы. Взял в руки скрипку, лежавшую на круглом столике у диванчика, такого же, как в комнате Маркиша. Потрогал пальцем смычок, хмыкнул.

– Не трогайте! – нервно воскликнул Брановер. – Учитель, – обратился он к Марку, – я буду готов через минуту.

– Вы давно находитесь в этой комнате? – спросил Беркович. – Я хочу сказать: в последние полчаса выходили вы отсюда или нет?

– А... что? – не понял Брановер. – Зачем вам...

– Скажи ему, – попросил Марк, – и пойдем на сцену. Нет времени...

– Ну, выходил, и что? – пожал плечами скрипач. – Я ходил в туалет, это запрещено? Кто вы такой?

– Нет, – рассеянно сказал Беркович, – ходить в туалет не запрещено. Идите, скоро начало... Марк, извини, что меня не будет в зале...

– Что слу... – начал Марк, но, встретив жесткий взгляд друга, осекся. – Хорошо, поговорим потом.

Когда Марк и Стас пошли по коридору к выходу на сцену, прозвенел третий звонок. Беркович вытянул из кармана коробочку сотового телефона и набрал номер инспектора Хутиэли.

– Инспектор, – сказал он. – Это стажер Беркович. Нахожусь в матнасе Штрауса. Здесь убийство.

– Никогда не подумал бы, что в Израиле убиваются за билетами, – пробурчал Хутиэли.

– Здесь убийство, – повторил Беркович. – Убит студент музыкальной академии. Удар ножом в спину в области сердца. Примерно полчаса назад.

– Вы знаете инструкцию, – голос Хутиэли мгновенно стал жестким, – я выезжаю.

Когда Хутиэли с оперативниками вошел в комнату Корна, Беркович стоял над мертвым телом, а из зала приглушенно доносились звуки скрипичного концерта Мендельсона.

– Кто? – спросил стажера инспектор. – Есть идеи?

– Вообще-то... – протянул Беркович. – Тут было много народа в коридоре, а дверь не заперта, кто угодно мог...

– И мотив тоже был у каждого? – буркнул Хутиэли.

– Мотив... Мотив был, пожалуй, у Брановера, того скрипача, кто сейчас играет Мендельсона, слышите?

– Это, значит, Мендельсон? – сказал инспектор. – И под такую заунывную музыку христиане идут под венец?

– Ну что вы, – усмехнулся Беркович, – под совсем другую. Так вот, этот Брановер хотел играть на международном конкурсе, а мой друг Марк выбрал другого, вот его... Видимо, Брановер узнал об этом...

– Он что, идиот? – осведомился Хутиэли. – Если все так, то на него падает первое же подозрение. У него надежное алиби?

– Никакого. Утверждает, что находился в своей комнате и ждал решения Марка: он должен был перед самым концертом решить, кто из двух скрипачей сыграет.

– Этого... ээ... Брановера должны были видеть в коридоре...

– Могли и не увидеть. Комнаты напротив друг друга, в закутке, вы же видели сами. Сюда заглядывают, конечно, но не так уж часто. Достаточно открыть дверь, убедиться, что никого нет поблизости, сделать два шага, открыть противоположную дверь...

– Вы осмотрели комнату Брановера?

– Конечно, инспектор. В комнате – ничего подозрительного.

– На ноже пальцевых следов не обнаружено, – сказал эксперт, успевший обработать поверхность рукоятки.

– Естественно, – буркнул Хутиэли. – Кто сейчас не знает о том, что оставлять отпечатки небезопасно для здоровья? Так вы говорите – он хотел поехать на конкурс? Извини, стажер, я не знаток музыки, но мне кажется, что это не повод для убийства.

Лучше не поехать на какой-то там конкурс, чем рисковать всю жизнь провести в тюрьме.

– Возможно, – пожал плечами Беркович.

Инспектор внимательно посмотрел на стажера, но ничего не сказал. Из зала слышались аплодисменты, в коридоре раздались голоса выходивших со сцены оркестрантов.

– Пошли, поговорим с ним, – сказал Хутиэли и пошел из комнаты. Беркович последовал за инспектором, обдумывая, как лучше поставить тот единственный вопрос, который он хотел задать Брановеру.

Дирижер и скрипач вышли со сцены рука об руку. Успех был полным, да, собственно, Марк, судя по выражению на его лице, в успехе и не сомневался.

– Что? – бросился Марк к Берковичу, увидев друга в окружении полицейских. – Что, в конце концов, случилось?

– Один вопрос, – Беркович отвел Марка в сторону, тогда как Хутиэли начал о чем-то спрашивать взволнованного успехом Брановера. – Скажи-ка, этот Брановер давно хотел расправиться с Маркишем?

– Что за нелепая... – начал Марк и осекся, что-то в лице друга подсказало ему, что лучше говорить о своих подозрениях сразу. – Ну, расправиться – это слишком сильно сказано. Стас и мухи не обидит. Просто год назад Игаль увел у него девушку, ну, ты знаешь, как это бывает... Ребята повздорили по этому поводу, но быстро помирились. В конце концов, что важнее – девушки, которых много, или музыка, которая одна?

– Музыка, конечно, – воодушевленно заявил Беркович и перешел к группе, в центре которой стоял взъерошенный скрипач.

– Так вы утверждаете, – говорил инспектор, – что из комнаты в последние полчаса не выходили?

– Я же сказал... – вздохнул Брановер.

– Послушайте, Стас, – вмешался Беркович, – а скажите-ка, когда обычно скрипачи протирают смычок канифолью? Я, знаете ли, дилетант, все эти тонкости для меня – темный лес...

– Погодите, стажер, – недовольно произнес инспектор, – почему вы постоянно врываетесь с нелепыми вопросами?

– Но... я всего лишь хотел узнать...

– Смычок, – повернулся к Берковичу Брановер, который был рад хотя бы на минуту отвлечься от настойчивых вопросов инспектора, – смычок наканифоливают перед самым выступлением, потому что, понимаете ли, канифоль – это...

– Да, я знаю, что такое канифоль, – резко сказал Беркович. – Тогда объясните мне, почему ваш смычок был уже наканифолен, когда мы с Марком вошли к вам в комнату? Вы ведь не могли знать, что выступите сегодня? Смычок Игаля Маркиша, к примеру, не был еще намазан канифолью, когда вы вошли в его комнату и ударили его ножом в спину. Верно?

Лицо Брановера покрылось мертвенной бледностью. Он хотел что-то сказать, но удар был таким неожиданным, что сразу найти нужные слова он не сумел, а секунду спустя никакие слова уже не могли помочь, потому что инспектор, мгновенно оценив ситуацию, бросился в наступление...

Когда два часа спустя, получив полное признание, инспектор и стажер вернулись в управление, Хутиэли сказал:

– Все-то вы знаете, канифоль, то-се... Вы что, прочитали об этом в учебнике?

– Я? – вздохнул Беркович. – Нет, я, знаете ли, сам натирал канифолью свой смычок целых семь лет, когда ходил в музыкальную школу. Это было еще в России. Знали бы вы, как я ненавидел скрипку!

– Вы учились музыке? – воскликнул Хутиэли. – Бедняга! Я бы повесился...

Человек со сломанной рукой

– Стажер! – крикнул инспектор Хутиэли. – Послушай-ка, стажер, что говорят по радио! Беркович переключил свой плеер с магнитофона на радиоприем и увлеченно посмотрел на инспектора, который разговаривал с кем-то по телефону.

Первая программа передавала музыку, вторая сообщала, что кабинет Нетаниягу вот-вот падет. Кабинет падал уже второй месяц и все никак не мог упасть хоть куда-нибудь, а потому болтался в воздухе будто парашютист, оказавшийся слишком легким для своего парашюта. Беркович переключился на «Галей ХАХАЛ» и услышал:

– ...видимо, его довели конкуренты, ведь они так и не смирились с тем, что Халифман показал всем, что можно строить дешево и доступно. В последние месяцы компания «Строим вместе» испытывала серьезные денежные трудности, и это, скорее всего, явилось причиной...

Инспектор положил, наконец, трубку и обратился к стажеру:

– Ну что там говорят про этого Халифмана?

– Что у него были трудности, и его довели конкуренты. Кто это такой – Халифман, господин инспектор? И до чего его довели конкуренты?

– Халифман – владелец строительной компании, – объяснил Хутиэли. – Стажер, ты намерен покупать квартиру или всю жизнь собираешься жить с родителями?

– Я... вот когда женюсь...

– Значит, не намерен, – резюмировал инспектор. – А то бы ты, конечно, знал, что Халифман продавал квартиры в центре страны процентов на пятнадцать дешевле конкурирующих компаний. Вот его и довели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.